

Мы встретились первый раз в кафе, для разговора, хотя Господин уже и так знал обо мне все. В переписке он спросил меня о каждой детали и мелочи: сколько мужчин было, сколько Верхних, что люблю, к чему готова, что не может быть ни при каких условиях.

Поинтересовался даже, в каком возрасте я начала мастурбировать и когда впервые возникли фантазии о Господине. Я отвечала, и он запоминал каждую мою фразу, такое внимание льстило и возбуждало. О себе он почти не рассказывал, пообещал, что при встрече скажет все, что мне нужно знать, чтобы принять решение.

В маленьком кафе он сразу меня узнал, проводил за столик, помог снять плащ и сесть.

— Я заказал для тебя вино и десерт, но если ты голодна, я позову официантку, — сообщил Господин, пока я доставала из сумочки сигареты и зажигалку.

— Спасибо, десерта вполне достаточно, — я делала вид, что не разглядываю мужчину напротив меня, но соблазн был непреодолимый. Высокий рост я отметила сразу, как только он подошел ко мне, также как и безупречную осанку. Теперь же я старалась не смотреть дольше, чем это позволяют правила приличия, на удивительной мужественности лица. Черты его не были излишне грубыми или аристократичными — это были черты лица мужчины, привыкшего решать свои проблемы самостоятельно: темно-зеленые глаза смотрят прямо, тонкие губы сжаты, но не напряжены, намечающаяся морщинка на высоком лбу и несколько седых волосков в висках. При этом Господин рассматривал меня без тени смущения, и его взгляд, казалось, рентгеном просвечивал всю меня и все мое прошлое.

Когда официантка принесла весь заказ, и нас больше никто не должен был побеспокоить, Господин посмотрел на меня в упор и, дождавшись, чтобы я также смотрела прямо ему в глаза, спросил:

— Ты готова выслушать мои ожидания?

— Да, — выдохнула я, ощущая, как внизу живота зарождается и течет по всему телу волнение, смешанное с желанием.

— Ты очень правильно себя описала, и мне это нравится, при знакомстве в интернете такое встречается редко, я оценил твою честность.

— Спасибо, Господин.

— Поэтому, я пока могу заключить, что я готов взять тебя в свое распоряжение.

Господин сделал небольшую паузу, давая мне время воспринять сказанное. Я сидела к нему лицом, но в глаза больше не смотрела: склонив голову вниз, я упиралась глазами в его чашку кофе, обвитую длинными ухоженными пальцами.

— Я спрашивал тебя, ты рабыня или шлюха. Ты ответила, что ты шлюха для одного мужчины, пояснив, что для своего Господина, ты готова лечь под любого, если он того потребует.

И снова Господин делает паузу, я киваю, подтверждая свои слова.

— Я спрашивал потому, что я буду пускать тебя по рукам. — Господин говорил спокойным тихим голосом. — Ты пройдешь через всех моих друзей, и тематиков, и просто любящих секс. Иногда я буду дарить тебя им, и даже не присутствовать на вечеринке, где ты будешь отдаваться всем желающим всеми способами, которые они назовут. Ты согласна на такое?

— Да, если это то, чего Вы хотите, — отвечаю я, а мое сердце бешено колотится, разгоняя

возбуждение по венам.

— Ты понимаешь, что незнакомые тебе мужчины будут трахать тебя по одному или все вместе во все твои дырки, бить тебя, плевать в рот, заставляя вылизывать их задницы и целовать ноги?

— Да.

— И ты хочешь, чтобы с тобой так обращались?

— Во время секса — да, я хочу быть униженной. Но при обычном общении я не готова к неуважению.

— У тебя не будет с ними обычного общения, только обслуживание их членов.

И я снова киваю, подтверждая свое согласие.

— Хорошо. — после паузы продолжает Господин. — Также ты мне написала, что у тебя не растянут анус, и ты испытываешь боль во время анала.

— Да, Господин, но я стараюсь терпеть боль.

— Ты нижняя, ты и должна терпеть боль. Меня интересует другой вопрос: насколько ты готова быть растянута? Мне, конечно, интересно трахнуть тебя в узкую щель, но потом я планирую растянуть тебя под кулак.

— Мое тело в Вашем распоряжении, Господин.

— Мужчины, перед которыми ты будешь вставать раком в будущем, будут видеть, что твоя жопа растянута, как не у каждой шлюхи, и ты не сможешь делать вид, что так и было, это ты понимаешь? Если я тебя растяну, это останется с тобой на всю жизнь.

— Да, Господин, я понимаю это.

— Помимо этого, я буду часто использовать зажимы и грузики для твоих половых губ, которые судя по фотографиям, у тебя сейчас маленькие и аккуратные. Чуть позже мы обговорим эту тему детальнее, но сейчас я хочу знать, могу ли я их растягивать? Опять же, если ты соглашаешься, то уже через год твой клитор будет вываливаться у тебя из трусиков, когда ты будешь идти по пляжу. На это ты тоже готова?

— Да, Господин, — волны страха и возбуждения попеременно топят мой мозг, дрожь тела мне уже не скрыть, а голос от волнения срывается, поэтому я просто шепчу свои ответы. И Господин видел это, наслаждался этим видом кролика, загибнотизированного страхом перед удавом настолько, что кролик сам лезет в пасть, желая стать вкусным обедом.

Некоторое время мы сидели молча. Господин допивал свой кофе и следил за тем, как я пытаюсь справиться со своим состоянием. Наконец, поставив пустую чашку на блюдце, он произнес:

— Давай еще раз убедимся, что мы правильно понимаем друг друга. — Его глаза впились в мои, будто желали найти там решение всех проблем. — Я буду тебя использовать физически, твое тело будет для меня только средством удовлетворения. Заботиться о твоём физическом комфорте я не стану, будет тебе больно, или невыносимо больно — меня это не интересует. Это понятно?

— Понятно, Господин.

— Ты хочешь у меня что-нибудь спросить?

— Нет, — снова шепотом ответила я. — Я полностью Вам доверяю.

— Тогда, — продолжил Господин, — я должен сказать, что ты меня заинтересовала. Но твоя неопытность меня и интригует, и несколько пугает одновременно...

— Почему, Господин?

— Потому что ты не определилась в своих границах, и во многом я повлияю на их формирование, и они станут моей ответственностью. Поэтому мне нужно время, чтобы принять решение. Но, — и тут Господин снова остановился и посмотрел на меня в упор, — я хочу, чтобы ты кое-что сделала.

— Что я могу для Вас сделать?

— Я хочу, чтобы ты сейчас поехала со мной. Полноценную сессию я сейчас устраивать не буду, но твой узкий анал узнает, что такое «терпеть боль». И я сразу оговорюсь, что ты можешь отказаться, и на этом наше общение прекратится. Хотя отказ я пойму. Но если согласишься, это вовсе не будет гарантировать, что я тебя оставлю.

— Господин, я поеду с Вами и подставлю Вам свою попку, — мне удалось немного прийти в себя, хотя бы настолько, чтобы говорить нормальным своим голосом.

— Тогда я попрошу счет, — сказал Господин и движением руки подозвал официантку, которая тут же подбежала (видимо, Господин не только на меня действовал гипнотически). Когда распоряжение о счете было отдано, и обслуживающая нас девушка отошла от стола, Господин снова повернулся ко мне. — Пожалуйста, запомни, у тебя нет попки: для друзей просто нет, потому что ты не должна с друзьями обсуждать свое тело, а для меня нет, потому что у тебя жопа. Никаких пись, кисок, сисечек и девочек — есть пизда, жопа и сиськи, так это называется у шлюх. Пездами, дырками, мандами и щелями, это понятно?

— Да, Господин, понятно. Простите, Господин.

— Тогда повтори свою последнюю фразу.

— Господин, я поеду с Вами и подставлю Вам свою анальную дырку, — запинаясь на каждом слове произнесла я.

— Так лучше, — Господин кладет деньги в принесенный официанткой счет, помогает мне выйти из-за стола, и надеть плащ. — Сегодня мы съездим в гостиницу, в будущем все сессии будут проходить у меня. — И подмигивает, — Если...

— Как скажете, Господин.

Мы вышли из ресторана, его машина была припаркована практически у входа, и он весьма галантно открыл мне дверь и подал руку, когда я садилась. Обойдя машину и сев за руль, Господин попросил меня подвинуться к центру сидений и настроил зеркало заднего вида так, чтобы в отражении видеть меня.

— Ты готовилась к тому, что я буду тебя трахать сегодня? — спросил он, когда машина тронулась с места.

— Да, Господин.

— Тогда я хочу, чтобы ты подняла юбку и раздвинула ноги.

Когда эти указания были выполнены, легкая тень недовольства скользнула по лбу мужчины.

— Еще одно правило: никогда больше я не должен видеть на тебе трусики, — строго произнес он. — Ты шлюха, и все твои дырки должны быть постоянно готовы к тому, что в них вставят член. Снимай быстро.

Спустя секунды мои трусики были спрятаны в сумку, и я снова развела ноги, открывая взору Господина тщательно выбритую промежность, мокрую от соков.

— Так лучше. Теперь согни ноги в коленях и упри их в сидение, хочу видеть твою щель, — снова распорядился Господин, взглянув в зеркало. — И пальцами оттяни как можешь дальше в стороны половые губы.

К этому моменту я текла так, что мне не сразу удалось выполнить приказ — весь в смазке клитор просто выскользнул из пальцев.

— Мне нравится, как ты течешь, — сказал Господин. — Пожалуй, твоей пизде сегодня тоже придется получше понять, что такое «терпеть боль».

И больше в пути мы не разговаривали. Я продолжала сидеть с выставленной напоказ текущей дыркой, изредка перехватывая малые половые губы, а Господин вел машину и лишь пару раз взглянул на меня в зеркало, но каждый его взгляд говорил мне, что ему нравится то, что он видит, и эта его реакция отзывалась во мне новым приступом желания. Я уже фантазировала о том, как встану перед Господином на колени, начну старательно вылизывать его пах: его мошонку, член, бедра, не торопясь возьму в рот его уже окрепший хуй, буду сосать, глубоко насаживаясь своим ртом на него. Господин будет смотреть на меня сверху вниз, чувствовать мои губы на своем члене, видеть мою покорность. () Изредка, положив руку мне на голову, будет заставляя меня взять глубже, в горло, после чего будет вынимать член из моего рта и давать мне пару легких пощечин...

От фантазий меня отвлек изменившийся шелест шин — оказывается, мы, свернув с асфальта, въезжали в настоящую усадьбу: дорога лежала сквозь большой уже пожелтевший сад, и в конце ее был виден трехэтажный особняк с колоннами у входа и редкими статуями вдоль крыльев здания. Я не знала что в Москве (или скорее в области, потому что на город уж слишком не похоже) есть такое место. Еще больше я удивилась, когда, проезжая мимо одной из статуй, расположенной ближе к дороге, я увидела, что она изображает мужчину, замахнувшегося на покорно склонившуюся к его ногам рабыню.

— Это тематический загородный клуб, — пояснил Господин, заметив мою реакцию. — Здесь собираются Верхние со своими рабами и рабынями для отдыха и развлечений. Еще здесь есть школа рабынь; проходящими там обучения нижними могут пользоваться все члены клуба.

В этот момент мы как раз подъехали ко входу, и Господин снова подал мне руку, помогая выйти из машины. Ключи отдал парковщику, взял меня под локоть, и мы вошли в холл. Технически это действительно был загородный клуб, включающий в себя гостиничный комплекс. Но место было совершенно удивительное: за стойкой регистрации нас приветствовали две девушки-близняшки в черных корсетах, трусиках и чулках на поясе, у обеих на шее были изящные кружевные колье-ошейники в винтажном стиле с идущими от них цепочками к таким же манжетам на запястьях; пока мы регистрировались, мимо нас прошло несколько девушек разной степени обнаженности, а также какой-то Господин, на поводке ведущий рабыню со следами порки по всему ее голому телу.

Девушки-ресепшионистки моего Господина знали, и пока первая оформляла въезд, вторая рассказывала, какие мероприятия пройдут в клубе в эти выходные. Выслушав информацию о мастер-классах по бандажу, пыткам огнем и еще каких-то неизвестных мне практиках, Господин сказал, что позже примет решение о своем участии. «Другие планы», — добавил он, кивая в мою сторону, на что обе девушки заулыбались и пожелали приятно провести время. Господину отдали ключ-карту от номера, и тут же, как из воздуха, рядом с нами возникла хрупкая невысокая девушка лет двадцати пяти, на которой из одежды были лишь ошейник и наручники с креплением на бедрах.

— Тридцать вторая проводит Вас к номеру, — сказала одна из близняшек, после чего я увидела небольшой номерок на одном из наручников маленькой рабыни: 1432.

— Прошу, — пропела она тонким тихим голосом, и направилась к лестнице. Господин снова взял меня под локоть, и мы последовали за нашей проводницей.

— Тридцать вторая из тех, кто проходит здесь обучение, — пояснял мне он, пока мы шли к номеру. — Это одна из их обязанностей — прислуживать отдыхающим. При зачислении в школу, их лишают имен, и присваивают номера, но для удобства мы называем только последние две цифры.

Подойдя к нашему номеру, рабыня открыла дверь, с поклоном предложила Господину осмотреться и, опустившись на колени у входной двери, замерла.